

Музеи малых городов России и культуры памяти*

Людмила Мазур

Наталья Граматчикова

Елена Прямикова

Наталья Веселкова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Russian Town Museums and Cultures of Memory**

Lyudmila Mazur

Natalya Gramatchikova

Elena Pryamikova

Natalya Veselkova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article is devoted to the theoretical and methodological problematisation of the role played by museums in the formation of memory cultures in small towns. The authors refer to materials from field expeditions (2021–2022) in ten Russian towns selected based on their geographical location, origin, age, and other parameters. The museum network is usually analysed regarding larger cultural centres but this concept applies to smaller towns, where, in addition to local history museums, there are museums of educational organisations and enterprises, art, memorial, and thematic museums. The article proposes a definition of the concept of a culture of memory and develops and describes a typology that includes scientific, memorial, and folklore types of “museum” culture, which realise various approaches to the preservation and formation of the memory of the past. The authors employ various research techniques to study memorisation practices. They use the database on museums of small towns

* Тема поддержана грантом РНФ 21–18–00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологическое исследование)».

** *Citation*: Mazur, L., Gramatchikova, N., Pryamikova, E., Veselkova, N. (2022). Russian Town Museums and Cultures of Memory. In *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1852–1867. DOI 10.15826/qr.2022.5.765.

Цитирование: Mazur L., Gramatchikova N., Pryamikova E., Veselkova N. Russian Town Museums and Cultures of Memory // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1852–1867. DOI 10.15826/qr.2022.5.765 / Мазур Л., Граматчикова Н., Прямикова Е., Веселкова Н. Музеи малых городов России и культуры памяти // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1852–1867. DOI 10.15826/qr.2022.5.765.

created as part of the project for structural and functional analysis, which makes it possible to present a picture of the country as a whole. Stationary and mobile interviews with town residents clarify the description of museum practices.

Keywords: memory, culture of memory, town, museum, folklore, history, propaganda

Статья посвящена теоретико-методологической проблематизации роли музеев в формировании культур памяти малого города. Исследование основано на материалах полевых экспедиций 2021–2022 гг. в десяти российских малых городах, отобранных с учетом ряда параметров (вид, географическое положение, время создания, функции и т. п.). Музейная сеть обычно раскрывается на примере крупных культурных центров, однако это понятие применимо и для малых городов, где, помимо историко-краеведческих, есть музеи образовательных организаций и предприятий, художественные, мемориальные и тематические. Предложено определение понятия культуры памяти, разработана и описана типология «музейной» культуры, включающая научно-просветительский, мемориальный, фольклорный виды, в которых реализуются различные подходы к формированию и сохранению образа прошлого. Практики меморизации изучаются на основе различных исследовательских приемов. Созданная в рамках реализации проекта база данных по музеям малых городов используется для структурно-функционального анализа музейной сети, позволяющего представить картину в целом по стране. Стационарные и мобильные интервью с жителями городов уточняют описание музейных практик.

Ключевые слова: память, культуры памяти, малый город, музей, фольклор, история, пропаганда

Тема множественности культур памяти с 1990-х г. становится одним из активно развивающихся направлений *Memory Studies*. К тезису А. Ассман о недовольстве мемориальной культурой сегодня добавляется недовольство в отношении исследований памяти, исчерпавших, как кажется, запас новизны исследовательской оптики [Ассман]. Одной из причин подобного разочарования выступает неопределенность самого предмета исследования [Сафронова]. Успешные, кажется, стать банальностью споры о различиях между видами памяти, ее форматами и «этажами» живо и совсем не банально ощущаются в повседневной жизни, что обуславливает актуальность обращения к теме *множественности культур памяти*.

Понятие «культуры памяти» (*Erinnerungskultur*), безусловно, имеет отчетливое немецкое происхождение, связанное с темой холокоста [Assmann; Osborne]. В настоящее время с уходом непосредственных участников и очевидцев этой трагедии, а также практически тотальной цифровизацией понятийный аппарат *Memory Studies* переживает серьезные трансформации [Saryusz-Wolska], уже не описываемые пол-

ностью через транспоколенческий анализ и концепцию постпамяти [Юрайт; Хирш], что побуждает переосмыслить роль институтов памяти (музеев, архивов, библиотек) в процессах ее формирования [Osborne].

Культура памяти находит свое отражение в коммеморативных практиках и зависит от целей, позиции и потребностей акторов, а также от иерархии тех задач, которые реализуют институты памяти и создаваемая ими информационная среда. Джефффри Олик, исследуя социальную память, большое значение придает тому, как осуществляются презентации и репрезентации прошлого, и выделяет четыре важных элемента процесса формирования памяти – «поля, средства передачи, жанры и профили», которые определяет как «разные способы структурирования практик. Вместе они производят фигурации памяти, то есть сложно структурированные и постоянно меняющиеся паттерны образов и смыслов, несводимых ни к заданной форме изображения, ни к контексту настоящего или к событию в прошлом» [Олик, с. 68]. Сконструированный в результате взаимодействия этих элементов образ прошлого отличается множественностью, разнообразием и зависит от носителя и создателя этого образа.

Для анализа российской ситуации мы предлагаем рассматривать культуру памяти как устойчивый ансамбль содержательных (предметно-тематических) компонентов (ценностей, норм, традиций), акторов и способов реализации меморативных практик. Многообразие культур памяти можно классифицировать по разным основаниям, включая масштаб, поколенческую принадлежность, тип общества и др. [см., например: Вандышев и др.].

Культура памяти опирается на информационные каналы и институты (библиотеки, архивы, музеи, СМИ), каждый из которых поддерживает определенные виды памяти. Библиотеки и архивы являются хранилищами документов, составляющих историко-культурное письменное наследие, и выступают модераторами социальной/исторической памяти, участвуя в конструировании образа прошлого. Музеи представляют собой особый институт с точки зрения объектов хранения и способов влияния на сознание и память человека. Музеи не просто формируют образ прошлого/настоящего – они его эмоционально заряжают и делают осязаемым, включая более сложные способы воздействия информации и формирования следа памяти в общественном сознании [Мазур, 2019, с. 101].

Обратимся основательнее к музейному жанру меморации и практикуемым музеями культурам памяти, основываясь на понимании жанра. Согласно Джефффри Олику, «демонстрируя власть жанра (включая его явную и неявную обработку (workings), мы противостоим тенденции видеть коммеморативные тексты как полностью конституируемые либо историей, к которой они отсылают, либо настоящим контекстом, в котором они произведены. В этом смысле жанры занимают рефлексивную посредническую позицию между прошлым и настоящим» [Олик, с. 60].

В музейных исследованиях продуктивно работает понятие музейной сети, однако обычно оно распространяется на большие культурные центры и мегаполисы. Наш тезис состоит в том, что эта оптика применима и к малым городам, которые обладают не только музейной сетью, но и потенциально разными культурами памяти. Статья основана на материалах базы данных «Музей малого города» и на результатах полевых экспедиций в десяти российских малых городах, расположенных в разных регионах страны и отобранных с учетом времени их создания и ряда других критериев (исторического, демографического, экономического)¹.

Музейный ландшафт малого города

Малый город представляет собой специфическое явление. Он занимает промежуточное положение между городом и деревней, являя собой при явной ограниченности ресурсов оригинальность и своеобразие внутренней жизни [Балюшина]. К этой категории относят поселения с численностью жителей до 50 тыс. чел², что определяет плотность коммуникативной среды, где «все всех знают».

В малых городах явственно ощущается интерес к прошлому своего поселения, которое часто становится основой их (ре)брендинга. Особенностью местных меморативных практик является размывание граней между индивидуальной, семейной и коллективной памятью.

Несмотря на ресурсные ограничения, музейное пространство малого города весьма разнообразно: здесь представлены государственные и муниципальные, корпоративные, народные, частные и школьные музеи. Большая их часть открылась во второй половине XX в., другие – в новейшее время, реже встречаются музеи с досоветским прошлым. К их числу, в частности, относятся краеведческие музеи в Красноуфимске, Вытегре, Тихвине и Трубчевске, то есть бывших уездных городах.

Стандартный перечень музейных учреждений малого города включает один-два муниципальных или государственных музея: исторический и/или краеведческий, реже – мемориальный, а также музеи образовательных организаций и промышленных предприятий³.

Для уточнения общей картины обеспеченности музеями малых городов с опорой на открытые интернет-ресурсы в рамках проекта была создана база данных (БД), в настоящий момент включающая описание 1113 официально зарегистрированных музеев (табл. 1) [Музей малого города].

¹ Вытегра (Вологодская обл.), Данилов (Ярославская обл.), Инта (Республика Коми), Котельнич (Кировская обл.), Красноуфимск (Свердловская обл.), Мариинск (Кемеровская обл.), Медногорск (Оренбургская обл.), Пущино (Московская обл.), Тихвин (Ленинградская обл.), Трубчевск (Брянская обл.).

² О типологии малых городов в связи с историей их основания, факторами формирования и социально-экономическими показателями см.: [Мазур, 2022].

³ Согласно принятым Министерством культуры рекомендациям, в городском округе должен быть один краеведческий и один тематический музей, в муниципальном районе и городском поселении – по одному краеведческому музею [Бекленищева].

В среднем на один малый город в настоящее время приходится примерно 1,4 музея⁴, в том числе по 80 городам (из 794) сведения о музеях не обнаружены, в 64,4 % городов зафиксирован один музей, в 16,0 % – два, в 5,0 % – три, в 1,8 % – четыре, в 2,8 % – пять и более музейных учреждений. Встречаются города, где насчитывается более десяти музеев – это, например, Городец (Нижегородская обл.), Мышкин, Касимов, Ростов, Углич, Переяславль-Залесский (Ярославская обл.). Они активно развиваются как туристические центры.

Таблица 1

Распределение музеев малых городов РФ по виду и времени основания*

Виды музеев	Время основания					Итого, ед. /%
	XVIII – нач. XX в.	1918 – 1920-е гг.	1930– 1950-е	1960-е гг. – 1991	1992– 2022	
Краеведческие	18	50	20	175	59	322/28,9
Исторические	4	8	5	62	123	202/18,1
Историко- краеведческие	6	6	14	97	63	186/16,7
Мемориальные	3	2	8	36	35	84/7,5
Тематические	0	0	0	3	77	80/7,2
Художественные	2	7	1	24	37	71/6,4
Корпоративные	2		1	17	18	38/3,4
Естественнона- учные	1	1	0	9	22	33/3,0
Историко- архитектурные ансамбли	5	8	1	12	6	32/2,9
Музеи народного быта, промыслов	0	0	1	6	25	32/2,9
Истории науки и техники	0	1	0	6	17	24/2,2
Литературные	0	1	1	1	3	6/0,5
Истории спорта	0	0	1	1	1	3/0,3
Всего, ед. /%	41/3,7	84/7,5	53/4,8	449/40,3	486/43,7	1113/100,0

* Подсчитано по: [Музей малого города].

Ядро музейной сети малого города составляют исторические, краеведческие и историко-краеведческие музеи, удельный вес которых в совокупности достигает 63,7 %. К ним примыкают мемориальные музеи

⁴ В расчете не учтены школьные музеи и музеи предприятий. Как правило, они не имеют постоянного графика работы, ориентированы на реализацию узкого круга образовательных или презентационных задач, а также сильно зависимы от энтузиазма работников и ресурсов учреждения, придавая музейной сети такие черты как полуофициальный характер, нестабильность и ограниченная доступность для посетителей.

(7,5 %). Трендом поздне- и постсоветского времени стал рост числа художественных музеев, сохраняющих творческое наследие местных художников. Относительно новым явлением в музейном пространстве малых городов, включенных в туристские маршруты, стало появление тематических музеев, в том числе посвященных народным промыслам и быту.

Приведенная нами классификация музеев интересна не только с видовой точки зрения, поскольку она позволяет судить о разнообразии историко-культурной среды города, но и с позиции множественности культур памяти. Для каждой категории музеев свойственны свои особенности комплектования фондов, экспонирования музейных коллекций, работы с посетителями, и как результат – создание своей картины прошлого и особых коммеморативных практик.

С учетом этих оснований предлагаем выделить следующие виды культур «музейной» памяти. Это, во-первых, *научно-просветительская/сциентистская культура*, основанная на строгих научных методах и подходах к музеефикации прошлого; во-вторых, *мемориальная культура*, связанная с увековечиванием памяти о выдающихся и значимых для местного сообщества личностях; в-третьих, *фольклорная культура памяти*, сфокусированная на сохранении народных традиций, материальной культуры прошлого.

На практике музейная сеть города и каждый конкретный музей работают на пересечении различных культур памяти. Остановимся на характеристике наиболее значимых из них.

Научно-просветительская /сциентистская культура памяти

Музей как детище модерна несет в себе установку на нациестроительство, веру в науку и прогресс. На рубеже XIX–XX вв. музей привычно обозначался как научно-исследовательское или научно-просветительское учреждение. Такое восприятие тесно связано с историей возникновения музеев и их основателями, среди которых были ученые – члены Академии наук и профессора университетов, члены губернских архивных комиссий, научных обществ и статистических комиссий [Музей]. Благодаря их усилиям к началу XX в. в Российской империи складывается музейная сеть, охватывающая не только столицы, но и губернские, а также уездные города. Одновременно разрабатывались научные принципы описания и систематизации коллекций, составившие основу сциентистской культуры памяти. Подлинность вещи, точная и полная атрибуция, правила экспонирования, обеспечивающие достоверную презентацию музейной коллекции, – вот основные принципы работы музея, сложившиеся к началу XX в. Его можно рассматривать в качестве эталона научной/сциентистской культуры памяти.

Музеи губернских и уездных городов, созданные провинциальными научными обществами, получили название краеведческих, их фонды формировались из коллекций минералов, археологических находок, гербариев и предметов старины, собранных в ходе научных экспедиций и исследований. Так, например, Трубчевский музей

(г. Трубчевск, Брянская обл.) был основан в 1921 г. Г. М. Поршняковым. Собранная им археологическая коллекция составила основу музейного фонда. На Урале в конце XIX – начале XX в. появились музеи в Ирбите, Кыштыме, Чердыни, Добрянке, Невьянске, Красноуфимске. История каждого из них свидетельствует о роли энтузиастов-краеведов и земств в развитии музейной среды.

В советский период на фоне национализации музейных фондов и централизации музейной системы происходит ее переориентация с научно-просветительских целей на пропаганду ценностей социализма и задач построения нового общества. Привычный перечень разделов краеведческих музеев, посвященных природе края, хозяйственным занятиям населения и народной культуре, дополняется сюжетами о классовой борьбе, революции и Гражданской войне, успехах социалистического строительства. Меняются и объекты музеефикации: в дореволюционный период основу музейных фондов составляли коллекции предметов, имевших художественное или научное значение; в советском музее таковыми стали планы, документы эпохи, а также достижения региональной экономики и культуры.

В 1990-е гг. музеи пережили очередную перестройку. Сотрудники музеев активно занялись ликвидацией «белых пятен» истории – изучением и сохранением памяти о коллективизации, голоде, репрессиях, то есть событий, формирующих культуру «неудобной» памяти. Этот сложный процесс сопровождался возрождением научно-исследовательских практик, а также модернизацией выставочной деятельности и распространением интерактивных форм взаимодействия с посетителями, придавая музейным учреждениям черты музея-форума [Камерон].

Таким образом, краеведческие, а следом за ними и исторические, естественнонаучные, этнографические, художественные музеи, несмотря на пропагандистско-агитационные деформации советского времени, были и остаются в массе своей носителями научно-просветительской культуры памяти, выполняя миссию сохранения и донесения до новых поколений накопленных знаний о естественной и социально-экономической истории края/города. В своей деятельности они опираются на научные принципы комплектования и описания фондов, их научно-исследовательские практики нацелены на изучение подлинных вещей, строгую атрибуцию источников, стремление к научной репрезентации прошлого.

Музейная культура сциентистского типа существует в постоянном напряжении между идеалами строгой научности и требованиями утилитарной инструментальности, поскольку музеи не только выступают проводниками знаний о прошлом, но и находятся в зоне влияния государственной политики памяти (политический фактор), а также потребностей общества (рыночный фактор). Перед ними постоянно стоит вопрос: оставаться «храмом науки» или трансформироваться в «музей-форум» [Резник].

Краеведческие музеи малых городов прилагают немало усилий, чтобы совместить собственные исследовательские практики с досуговыми методами привлечения школьников и их родителей. Дефицит ресурсов в известной степени компенсируется заинтересованностью и энтузиазмом музейных работников. Большую роль здесь играет поддержка местной власти, благодаря которой музей нередко становится центром творческой активности города, как это наблюдается, например, в Красноуфимске.

Мемориальная культура

Мемориальная культура находит отражение в практиках мемориальных музейных учреждений, ориентированных на увековечение памяти об исторических личностях, в первую очередь политиков и героев, во вторую – представителей науки, культуры и искусства – уроженцев данной местности. Мемориальные музеи в России появляются еще в XIX в.; накануне революции в Российской империи их насчитывалось около 20 («Кутузовская изба», «Карамзинский кабинет» в Остафьево, дворец в Таганроге, где умер Александр I, и др.). В советский период количество мемориальных музеев заметно выросло, они выделились в самостоятельный вид и стали выполнять значимые функции легитимации советской власти и конструирования советского исторического мифа.

Формирование мемориального пространства советского государства началось с увековечения памяти русских революционеров: в 1920 г. открылся Дом-музей Н. Г. Чернышевского, в 1921 г. – Музей-квартира П. А. Кропоткина. Массовая волна меморизации политических деятелей была связана со смертью В. И. Ленина и музеефикацией мест его пребывания. Музейная Лениниана была самым масштабным мемориальным проектом советской власти. В настоящее время сохранилось 24 музейных мемориальных объекта, связанных с именем Ленина – это комплексы, заповедники, научно-культурный центр, дома-музеи, мемориальные квартиры, большинство из которых было открыто в 1930–1940-е гг.⁵ В этот период в разных концах страны создаются десятки музеев руководителей советского государства – И. В. Сталина, С. М. Кирова, Я. М. Свердлова, М. И. Калинина, К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного и др. В 1936 г. был образован первый музей, посвященный В. И. Чапаеву, открывший собой «героический» мемориальный ряд. После Великой Отечественной войны сеть мемориальных музеев дополняется новыми объектами, посвященными героям и полководцам войны. В 1960–1970-е гг. список музеев расширяется за счет мемориальных объектов писателей, художников, космонавтов, ученых, изобретателей [см. подробнее: Мазур, 2019].

В советский период музеи выполняли функции идеологического института. С особой силой эта особенность проявилась в деятель-

⁵ Подсчитано по: [Музеи России].

ности мемориальных музеев 1930–1950-х гг., когда формы «естественной» коммеморации вытеснились ее «искусственной/конструируемой» версией⁶. Это касалось приоритетов в отборе персонажей для музейной меморизации, способов меморации и презентации личностей, ориентированных на создание житийных историй.

Культура музейной мемориальной памяти окончательно сформировалась в 1960–1980-е гг. В 1967 г. было принято «Положение о мемориальных музеях системы Министерства культуры», которое в известной степени упорядочило процессы стихийной музеефикации мемориальных объектов и установило обязательные условия для организации музея, к числу которых относились расположение его в мемориальном месте, а также наличие подлинных предметов, что придало процессам персональной музеефикации более естественный и научный характер.

Специфику мемориальной культуры определяла такая черта, как сосредоточенность на демонстрации роли и значения личности в истории; с ней непосредственно связаны идеологизация (соответствие политическому заказу) и рутинизация харизмы личности (соответствие интересам публики), создание канонов/стандартов описания и характеристики личности с учетом ее сферы деятельности. Мемориальный музей, таким образом, стал средством канонизации личности в мировом/национальном/местном пантеоне, придавая локации дополнительные краски и идентификационные маркеры.

Специфика меморизации личности человека, заслуги которого обычно осознаются обществом после его смерти и чаще всего временно не музеефицируются, нашла отражение в составе музейных фондов. В нем основную роль играют не подлинные предметы и автографы, а вещи – заместители, аутентичные эпохе и социальной среде, и документы – свидетели, рассказывающие о масштабах и заслугах личности; литературные и научные публикации биографического типа, то есть музейные фонды и, соответственно, экспозиции мемориального плана носят преимущественно документальный характер. Источниками их формирования нередко становятся семейные архивы, что придает процессам музеефикации семейно-мемориальный характер и включает в пространство памяти образ семьи.

Следует отметить и особенности коммеморативных практик мемориальных музеев. Крупнейшие мемориальные музейные центры, посвященные персоналиям мирового масштаба – Ленину, Пушкину, Толстому и др., работали и работают как институты памяти, широко используя научно-исследовательские формы меморации – публикацию собраний сочинений, научных трудов, проведение конференций. Но абсолютное большинство мемориальных музеев, расположенных в столичном регионе или в провинции, выступают преимущественно в качестве мест памя-

⁶ Естественная коммеморация настроена на сохранение прошлого в максимально достоверной форме («как оно было на самом деле»). Искусственная коммеморация представляет собой конструирование образов прошлого и исторической памяти в соответствии с социальным заказом [Румянцева].

ти, дополнительно реализуя функции культурного центра малого города. К числу специфических мероприятий мемориальных музеев следует отнести отмечание событий семейного цикла – дней рождения и смерти, юбилеев, к которым приурочиваются торжественные мероприятия.

Типичным примером может служить Литературно-мемориальный дом-музей В. А. Чивилихина, открытый в Мариинске (Кемеровская обл.) в 1986 г. (ил. 2 на цв. вклейке). В. А. Чивилихин – писатель, публицист, эколог, общественный деятель, лауреат трех Государственных премий – родился в Мариинске, что и стало основанием для создания там мемориального музея.

Музей состоит из двух строений, соединенных между собой галереей, – дома, где в 1928 г. родился писатель, и деревянного одноэтажного дома с двумя экспозиционными залами, рассказывающими о его жизни и творчестве. Дом сохранился, но обстановка и интерьеры были утрачены. Комната в доме писателя воссоздает типичный вид жилища рабочего-железнодорожника. Личные вещи писателя представлены в небольшой витрине, в выставочном зале размещены его портреты, книги, рукописи и др.

При музее работает клуб любителей поэзии «Мариинск сокровенный». На прилегающей к музею территории силами музейных работников был создан «двор природы» – экологическая площадка, ставшая местом проведения различных мероприятий для жителей города. В музее проводятся выставки местных художников, мастеров рукоделия. Из мемориальных практик сохранились «Чивилихинские чтения»: раз в пять лет в доме-музее собираются московские гости, писатели, поэты Кузбасса и Сибири, занимающиеся проблемами экологии, сохранения исторического и культурного наследия России. Научно-практическую конференцию под названием «Чивилихинские чтения» ежегодно организует Мариинский педагогический колледж, сохраняя память о писателе в среде молодежи. Ежегодно 7 марта празднуется день рождения писателя.

Таким образом, мемориальные музеи в провинции, в том числе в малых городах, выступают не только в качестве мест памяти, но и в качестве культурных центров, дополняющих и разнообразящих их историко-культурное пространство. Они формируют не только образы прошлого, но и идеальные образы людей, населяющих и оживляющих это прошлое.

Фольклорная культура памяти

Во второй половине XX – начале XXI в. заметное место в музейном пространстве малых городов начинают занимать музеи народного быта, ремесел, фольклорно-этнографические музеи, организованные по типу крестьянской избы, тематические музеи фольклорной направленности (Музей Царевны-лягушки (г. Ростов Великий), Музей ложки (г. Нытва Пермского края), Дом ремесел «Живинка в деле» (г. Сысерть Свердловской обл.) и др.). Большинство таких музеев

отвечают на запросы общества ностальгического, развлекательного или культурно-воспитательного характера. Например, Музей быта и ремесел в г. Верхняя Салда Свердловской обл. – подразделение Верхнесалдинского краеведческого музея – открылся в 2006 г. и представляет собой реконструкцию Дома быта советского времени, которая включает ателье «Красный швейник», парикмахерскую «Золотой локон», часовую мастерскую «Хранитель времени», фотоателье «Под черной накидкой», воссоздавая советскую повседневность.

Специфика формирования фондов таких музеев, особенности экспонирования предметов, широкое использование в них интерактивных форм работы с посетителями позволяют говорить о формировании фольклорной культуры памяти.

В отечественной традиции под фольклором чаще понимается «устное народное творчество», а в зарубежной к фольклору относят не только язык, верования и обряды, но и материальную культуру. Сам термин *folk-lore*, войдя в научный дискурс в XIX в., зафиксировал пиететное отношение к изучаемому материалу. В XX столетии в фольклоре ищут не столько заветы народной мудрости, сколько понимание того, каким образом организовано социальное, ментальное и культурное пространство сообщества. Эти знания успешно инструментализируются: в советский период фольклор активно использовался как средство легитимации власти («народной»), в настоящее время – для решения задач воспитания патриотизма. Происходит это и через прямые попытки вмешательства в репертуар народных сказителей (например, складывание «новин»), и через апелляцию к символическому капиталу народных представлений о культурных героях и национальных лидерах, что значительно искажает соотношение научности и идеологизации в отечественной фольклористике [Дранникова].

Среди свойств фольклора, определяющих его место в социокультурном и коммуникативном пространстве, важны ориентация на традицию и канон, анонимность, вариативность и инклюзивность, то есть интегрированность в повседневные, праздничные и ритуальные практики. Совмещая в себе ценности вполне земные, прагматические с сакральными, фольклор обладает и тем, что называют *вернакулярностью*, под которой фольклористы понимают его неподцензурность, а социологи – растворенность в бытовом, повседневном, рутинном [Христофорова].

В современных музейных экспозициях, содержащих элементы фольклорной культуры, мы видим следы разного понимания фольклора и разную прагматику обращения к традиционному наследию⁷. При этом обращение к народной культуре как ресурсу идентичности, патриотизма и знания корней востребовано как «сверху», так и «снизу». Так, например, экспозиции «Русская изба» создаются и муници-

⁷ О разнообразии институтов, представляющих культуру в провинции, см. исследование антропологов из Европейского университета в Санкт-Петербурге, отмечающих особую роль музеев [Антропова].

пальными музеями (Красноуфимск, Данилов, Трубчевск), и силами местных энтузиастов («Русские избы» в Вытегре и Пущино, Музей истории крестьянства им. А. М. Ронжина в Котельничском р-не, музей «Лапоточек» в д. Пашозеро Тихвинского р-на и др.).

Фонды местных музеев этнографической тематики формируются практически исключительно силами энтузиастов-добровольцев и местных жителей, для которых музей становится не только «местом памяти», но и способом избежать утилизации все еще не безразличных им вещей (ил. 3 на цв. вклейке). В свою очередь, это означает, что история конкретных вещей и их использования хорошо известна собирателям, хотя и не всегда задокументирована. Вещи, вызывающие вопросы об их использовании, например, рыбацкие сети музея «Лапоточек», побуждают собирателей к новым экспедициям-опросам. Часто сама деятельность по сбору подобных предметов инициирована тревогой местных жителей о судьбе вещей в разрушающихся избах.

Реконструкция крестьянской избы обычно демонстрирует гостеприимный уклад типичного крестьянского дома, находящий выражение в интерактивности экспозиции («у нас все можно потрогать»). Эти же экспозиции показывают, что «интуитивность» использования большинства предметов крестьянского быта находится в далеком прошлом, и ни дети, ни их родители не представляют ни названий, ни назначения большинства предметов. Возникает парадоксальная ситуация: то, что считается «корнями», оказывается малоизвестным и в большинстве своем абсолютно неприменимым знанием, поскольку как раз бытовая сторона жизни изменилась необратимо. В беседе с нами руководитель фольклорно-этнографической группы «Олония» (школа № 1 г. Вытегра) Н. А. Митрошкина сетовала, что все меньше и меньше остается бабушек, способных показать детям какие-то элементы традиционного быта и рассказать о них⁸. Эта ситуация побуждает применять научные методы этнографического исследования, документирования и атрибуции найденных предметов.

Восстановить распавшуюся связь времен сотрудники музеев пытаются через интерактивные программы и мастер-классы, при этом педагоги привлекают и родителей, считая объединение разных поколений семьи важным результатом музейной деятельности. Желание «воспитывать патриотов» выражают многие работники музеев, и в этом отношении «русские избы» становятся для них возможностью трансляции идей патриотизма с целью пробудить интерес к малой родине через предметы, имеющие к ней непосредственное отношение⁹.

По нашим наблюдениям, «русские избы» довольно схожи между собой. Тот образ прошлого, который в них воссоздается, это «давно-

⁸ Интервью с Н. А. Мирошкиной. Вытегра, июль 2022 г. [Музей малого города].

⁹ Интервью с директором Музея крестьянского быта, с. Городец, Трубчевский р-н. 2022. 23 авг. [Музей малого города].

прошедшее время». Современные «русские избы» встроены не в историографическую концепцию о «темном периоде» до советской власти (Россия до 1917 г.), а существуют как бы вне исторической хронологии, отсылая к прекрасному эпическому прошлому и в этом смысле идеально воплощая понятие народной мудрости. Таким образом, музейное обращение к фольклору опирается прежде всего на артефакты (а не на аутентичные тексты), с помощью которых формируется особый тип прошлого, в идеализированном виде рассказывающий о национальных корнях.

Музейный жанр коммеморации (музейная культура памяти) опирается на институциональные особенности музеев и того информационного поля, в котором они находятся, а также на практики агентов коммеморации – работников музеев, увлекающихся собирательством или развивающих самые разные варианты взаимодействия с посетителями.

Предложенное в статье деление культур памяти является результатом типологизации и в известной степени условно, поскольку агенты коммеморации, работающие в пространстве любой из рассмотренных культур памяти, могут существенно менять «правила игры» в зависимости от собственных представлений и возможностей. Музеи, порожденные эпохой просвещения и рационализма, тяготеют к научным формам музеефикации, которые выступают в качестве эталона музейности. Время вносит свои коррективы в привычные музейные практики, ставя новые задачи – идеологические, учебно-воспитательные, развлекательные – и способствуя их трансформации. В этом смысле мемориальная и фольклорная музейные культуры памяти выросли из научной, но приобрели самостоятельное значение и заняли свое место в информационном пространстве общества и, соответственно, пространстве коллективной социальной памяти.

Список литературы

Антропова Н. «Есть ли счастье от культуры в провинции, и если есть, то какое, кому и от какой» : интервью с П. Куприяновым // Реальное время : [интернет-газ.]. 2020. 7 янв. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/162470-pavel-kupriyanov-o-tom-kak-zhivot-muzei-v-rossiyskoj-glubinke> (дата обращения: 20.11.2022).

Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 223 с.

Балюшина Ю. Л. Человек и малый город: специфика взаимодействия (философский аспект) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69), ч. 2. С. 16–18.

Бекленищева М. В. Музеи в малых городах: нормативы обеспеченности и проблемы учета // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши : сб. науч. тр. / под ред. Л. Н. Мазур, Д. Магера. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 121–131.

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Индустриальная память: множественность и масштабы. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. 264 с.

Дом-музей В. А. Чивилихина : [сайт]. URL: <http://mariinsk-museum.ru/chivilihina/> (дата обращения: 20.11.2022).

Дранникова Н. В. «Фольклор»: к вопросу об истории употребления термина и его значения в русской науке // Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 8. С. 39–45. DOI 10.17076/hum117.

Камерон Д. Ф. Музей: храм или форум? // Музейное дело. Музей – культура – общество : сб. науч. тр. М. : Изд-во Музея революции, 1992. С. 259–274.

Мазур Л. Н. Мемориальные музеи политических деятелей в пространстве исторической памяти современной России // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 100–119. DOI 10.21267/AQUILO.2019.66.25322.

Мазур Л. Н. Малые города России: особенности формирования историко-культурного ландшафта // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши : сб. науч. тр. / под ред. Л. Н. Мазур, Д. Магера. Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2022. С. 20–50.

Музей России : [сайт]. URL: <http://www.museum.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).

Музей малого города // Международный центр демографических исследований : [сайт]. URL: <https://idun.urfu.ru/ru/pro/muzei-malogo-goroda-mnozhestvennost-kulturamjati/> (дата обращения: 20.11.2022).

Музей // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. СПб., : Семёновская типолит. (И. А. Ефрона), 1890–1907. Т. 20 (39). С. 112–126.

Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–73.

Резник И. И. Музей и храм. Точки соприкосновения // Национальные приоритеты России : [сайт]. 2014. № 4 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzey-i-hram-tochki-soprikosnoveniya> (дата обращения: 09.11.2022).

Румянцева М. Ф. Проблема коммеморации: метанарратив – места памяти – ренарративизация // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 16–31.

Сафронова Ю. А. Третья волна Memory Studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–27. DOI 10.31249/poln/2018.03.01.

Хириш М. Что такое постпамять / пер. К. Харлановой // Уроки истории : [интернет-журн.]. 2016. 17 июня. URL: <https://urokiistorii.ru/article/53287> (дата обращения: 12.08.2022).

Христофорова О. Б. Как изучать вернакулярные теории и практики? На примере witchcraft studies // Методы и концепции в фольклористике и культурной антропологии (конец XX – начало XXI века) : материалы XVI междунар. шк.-конф. по фольклористике, социолингвистике и культурной антропологии / сост. А. С. Архипова, С. Ю. Неклюдов, Д. С. Николаев, Н. Н. Рычкова. М. : РГГУ, 2016. С. 102–105.

Юрайт У. Поколение и память. Концептуальные размышления о поколенческих аспектах процессов воспоминаний и самотематизации // «Работа над прошлым»: XX век в памяти и коммуникации послевоенных поколений Германии и России / под ред. О. С. Нагорной и др. Челябинск : Каменный пояс, 2014. С. 14–27.

Assmann A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. Bonn : Bundeszentrale für politische Bildung, 2007. 320 S.

Osborne D. What Remains: The Post-Holocaust Archive in German Memory Culture. Rochester : Camden House, 2020. 226 p.

Saryusz-Wolska M. Mikrogeschichten der Erinnerungskultur: «Am grünen Strand der Spree» und die Remedialisierung des Holocaust by bullets, Berlin ; Boston : De Gruyter, 2022. 309 S.

References

Antropova, N. (2020). “Est’ li schast’e ot kul’tury v provintsii, i esli est’, to kakoe, komu i ot kakoi?”. Interv’y u s P. Kupriyanovym [“Is there Happiness from Culture in the Provinces, and if so, What Kind, to Whom and from What?”. Interview with P. Kupriyanov]. In *Real’noe vremya* [website]. 7 January. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/162470-pavel-kupriyanov-o-tom-kak-zhivut-muzei-v-rossiyskoy-glubinke> (accessed: 20.11.2022).

Assmann, A. (2007). *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Bonn, Bundeszentrale für politische Bildung. 320 S.

Assmann, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi* [New Dissatisfaction with Memorial Culture] / transl. by B. Khlebnikov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 223 p.

Balyushina, Yu. L. (2016). Chelovek i maliy gorod: spetsifika vzaimodeistviya (filosofskii aspekt) [Man and Town: The Peculiarities of Interaction (Philosophical Aspect)]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. No. 7 (69). Part 2, pp. 16–18.

Beklenishcheva, M. V. (2002). Muzei v malykh gorodakh: normativy obespechennosti i problemy ucheta [Museums in Towns: Security Standards and Accounting Problems]. In Mazur, L. N., Mager, D. (Eds.). *Memorativnyye landshafty malykh gorodov Rossii i Pol'shi. Sbornik nauchnykh trudov*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 121–131.

Dom-muzei V. A. Chivilikhina [Museum House of V. A. Chivilikhin] [website]. (N. d.). URL: <http://mariinsk-museum.ru/chivilikhina/> (accessed: 20.11.2022).

Drannikova, N. V. (2015). “Fol'klor”: k voprosu ob istorii upotrebleniya termina i ego znacheniya v russkoi nauke [“Folklore”: On the History of the Use of the Term and Its Meaning in Russian Scholarship]. In *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra*. No. 8, pp. 39–45. DOI 10.17076/hum117.

Hirsch, M. (2016). Chto takoe postpamyat' [The Generation of Postmemory] / transl. by K. Kharlanova. In *Uroki istorii* [website]. 17 June. URL: <https://urokiistorii.ru/article/53287> (accessed: 12.08.2022).

Jureit, U. (2014). Pokolenie i pamyat'. Kontseptual'nye razmyshleniya o pokolencheskikh aspektakh protsessov vospominanii i samotematizatsii [Generation and Memory. Conceptual Reflections on Generational Aspects of Remembrance and Self-Thematization Processes]. In Nagornaya, O. S. et al. (Eds.). “*Rabota nad proshlym*”: XX vek v pamyati i kommunikatsii poslevoennykh pokolenii Germanii i Rossii. Chelyabinsk, Kamennyi poyas, pp. 14–27.

Kameron, D. F. (1992). Muzei: khram ili forum? [Museum: Temple or Forum?]. In *Muzeinoe delo. Muzey – kul'tura – obshchestvo. Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, Izdatel'stvo Muzeya revolyutsii, pp. 259–274.

Khristoforova, O. B. (2016). Kak izuchat' vernakulyarnye teorii i praktiki? Na primere witchcraft studies [How to Study Vernacular Theories and Practices? With Reference to Witchcraft Studies]. In Arkhipova, A. S., Neklyudov, S. Yu., Nikolaev, D. S., Rychkova, N. N. (Eds.). *Metody i kontseptsii v fol'kloristike i kul'turnoi antropologii (konets XX – nachalo XXI veka). Materialy XVI mezhdunarodnoi shkoly-konferentsii po fol'kloristike, sotsiolingvistike i kul'turnoi antropologii*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 102–105.

Mazur, L. N. (2019). Memorial'nye muzei politicheskikh deyatelei v prostranstve istoricheskoi pamyati sovremennoi Rossii [Memorial Museums of Political Figures in the Space of the Historical Memory of Modern Russia]. In *Dialog so vremenem*. Iss. 66, pp. 100–119. DOI 10.21267/AQUILO.2019.66.25322.

Mazur, L. N. (2022). Malye goroda Rossii: osobennosti formirovaniya istoriko-kul'turnogo landshafta [Small Towns of Russia: Features of the Formation of the Historical and Cultural Landscape]. In Mazur, L. N., Mager, D. (Eds.). *Memorativnyye landshafty malykh gorodov Rossii i Pol'shi. Sbornik nauchnykh trudov*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 20–50.

Muzei [Museum]. (1890–1907). In *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona v 86 t.* St Petersburg, Semenovskaya tipolitografiya (I. A. Efrona). Vol. 20 (39), pp. 112–126.

Muzei malogo goroda [Town Museums]. In *Mezhdunarodnyi tsentr demograficheskikh issledovaniy* [website]. URL: <https://idun.urfu.ru/ru/pro/muzei-malogo-gorodamnozhestvennost-kultur-pamjati/> (accessed: 20.11.2022).

Muzei Rossii [Museums of Russia] [website]. (N. d.). URL: <http://www.museum.ru/> (accessed: 20.11.2022).

Olick, J. (2012). Figuratsii pamyati: protsessorelyatsionnaya metodologiya, illyustriruemaya na primere Germanii [Figurations of Memory: A Process-Relational

Methodology with Reference to Germany]. In *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 11. No. 1, pp. 40–73.

Osborne, D. (2020). *What Remains: The Post-Holocaust Archive in German Memory Culture*. Rochester, Camden House. 226 p.

Reznik, I. I. (2014). Muzei i khram. Tochki soprikosnoveniya [Museum and Temple. Common Ground]. In *Natsional'nye priority Rossii*. No. 4 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzy-i-hram-tochki-soprikosnoveniya> (accessed: 09.11.2022).

Rumyantseva, M. F. (2016). Problema kommemoratsii: metanarrativ – mesta pamyati – renarrativizatsiya [The Problem of Commemoration: Metanarratives – Places of Memory – Renarrativisation]. In *Dialog so vremenem*. No. 54, pp. 16–31.

Safronova, Yu. A. (2018). Tret'ya volna Memory Studies: dvadcat' tri goda protiv shersti [The Third Wave of Memory Studies: Twenty-Three Years of Swimming against the Stream]. In *Politicheskaya nauka*. No. 3, pp. 12–27. DOI 10.31249/poln/2018.03.01.

Saryusz-Wolska, M. (2022). *Mikrogeschichten der Erinnerungskultur: „Am grünen Strand der Spree“ und die Remedialisierung des Holocaust by bullets*. Berlin, Boston, De Gruyter. 309 S.

Vandyshchev, M. N., Veselkova, N. V., Pryamikova, E. V. (2022). *Industrial'naya pamyat': mnozhestvennost' i masshtaby* [Industrial Memory: Scale and Plurality]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 264 p.

The article was submitted on 15.07.2022

Иллюстрации к статье:

Людмила Мазур, Наталья Граматчикова, Елена Прямикова, Наталья Веселкова.
Музеи малых городов России и культуры памяти

Illustration for the article:

Lyudmila Mazur, Natalya Gramatchikova, Elena Pryamikova, Natalya Veselkova.
Russian Town Museums and Cultures of Memory

2. Литературно-мемориальный музей В. А. Чивилихина в Мариинске (Кемеровская обл.). Фото с сайта музея [Дом-музей В. А. Чивилихина]

V. A. Chivilikhin Literary and Memorial Museum in Mariinsk (Kemerovo Region).
Photograph from the Museum website

3. Музей крестьянского быта (с. Городцы Трубчевского р-на Брянской обл.).
Фото Л. Н. Мазур

Museum of Peasant Life (village of Gorodtsy, Trubchevsky District, Bryansk Region).
Photograph by L. N. Mazur